

Уклонъ консервативной Византіи въ сторону западныхъ вліяній.

Съ царствованіемъ Мануила Комнина (1143—1180 г.г.) соединяется самый блестящій періодъ наиболѣе показной эпохи исторіи Византіи, отмѣченной именемъ династіи Комниновъ. Особенностью этого періода нужно признать и то, что онъ былъ и послѣднимъ, можно сказать, завершительнымъ періодомъ византизма, послѣдовательно развивавшагося при царяхъ Македонскаго дома и Комниновъ. Искреннимъ чувствомъ, неподдѣльной скорбью и вмѣстѣ яснымъ сознаніемъ переживаемой дѣйствительности внушены слѣдующія мысли современника, писавшаго пять—шесть лѣтъ спустя по смерти царя Мануила: «Кажется, будто въ божественномъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы со смертію царя Мануила рухнулъ строй ромѣйской имперіи и чтобы съ закатомъ этого солнца покрыла насъ непроглядная тьма»¹⁾. Глубокое чувство невознаградившей утраты при воспоминаніи о царяхъ Комнинахъ и сознаніе безотраднaго порядка дѣлъ, наступившаго послѣ Мануила,—таковъ, впрочемъ, общій смыслъ и другихъ историческихъ произведеній конца XII и начала XIII в.в.

Тотъ же самый писатель—а это некто иной, какъ знаменитый митрополитъ солупскій Евстаѣій—въ надгробномъ словѣ на смерть Мануила даетъ повясть и реальныя причины, постепенно подготовлявшія крахъ всей политической системы государства. «Кто умѣлъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ сокрушать враговъ одного посредствомъ другого, чтобы приготовить намъ невозмущаемый миръ и желанную тишину. Онъ пользовался искуснымъ методомъ достигать величайшихъ трофеевъ съ возможно

¹⁾ Tafel, Eustathii Opuscula, p. 271.

меньшей тратой крови своихъ подданныхъ, чтобы, подстрекая враговъ другъ на друга и возбуждая усобицы среди иноплеменныхъ народовъ, увеличивать этимъ нашу собственную силу, ослаблять же непріятельскую. Такъ царская политика поднимала турка на турка, а мы пѣли торжественный гимнъ мира; такъ скифы уничтожали скифовъ, а мы наслаждались миромъ. Многие западные народы, заболѣвшіе недугомъ любостыжанія, возвращены къ умѣренности, а ромейскій міръ съ изумленіемъ наблюдалъ, какъ врачевалась страсть къ завоеваніямъ. Драконъ-островитянинъ (разумѣется король сицилійскій Рожеръ), замышлявшій извергнуть огонь своего гнѣва выше кратера Этны, ослабѣлъ въ своемъ напряженіи, пораженный царскими стрѣлами, или лучше занятый домашними врагами, которыхъ воздвигла на него политическая мудрость царя» ¹⁾.

Самымъ важнымъ съ точки зрѣнія оцѣнки иностранной политики Мануила нужно признать слѣдующее мѣсто изъ превосходной рѣчи солунскаго митрополита, выяснившего значеніе иностраннаго засилья, подготовляемаго политикой Мануила. «Языкъ не можетъ назвать народа, которымъ бы онъ не воспользовался къ нашей выгодѣ. Одни поселены въ нашей землѣ на правахъ колонистовъ, другіе же, воспользовавшись милостивыми пожалованіями, обильно расточаемыми царской щедростью, вступили на службу государству изъ-за жалованья и стали считать чужую землю своимъ отечествомъ, ибо нашли въ ней свое счастье. Онъ перевелъ въ ромейское государство, ради защиты его, множество военныхъ людей изъ среды закоренѣлыхъ нашихъ враговъ, привилъ къ ихъ дикости нашу мягкость и образовалъ такой годный плодъ, который могъ бы произрасти развѣ въ Божьемъ саду. Разумѣе здѣсь не только арабовъ, печенѣговъ, угровъ, живущіе за Дунаемъ народы, но и сѣверныя племена и обитателей приморскихъ странъ, которые попались на царскую удочку. Всѣ они усиливаютъ собой число нашихъ городскихъ обитателей».

Разобраться въ лѣтописныхъ и другихъ литературныхъ данныхъ занимающей насъ эпохи не такъ легко главнѣйше потому, что въ нихъ на первый планъ выставляется внѣшній блескъ,

¹⁾ Tafel, Eustathii Opuscula. Manuelis laudatio funebris c. 19.

формальный подъемъ и международное положеніе государства,— все это во многихъ отношеніяхъ подкупаетъ наблюдателя. Но если смотрѣть на періодъ Комниновъ со стороны и нѣсколько издалека, то изъ-за внѣшняго блеска и политическаго якобы благополучія выступаетъ и тотъ мрачный порядокъ, о которомъ упоминаетъ митрополитъ Евстаѣй. Еще полнѣй отрицательный взглядъ на внѣшнюю политику Мануила выражень у того писателя, котораго можно назвать оффиціальнымъ историкомъ послѣднихъ Комниновъ, т. е. у Никиты Акомината. Въ VII книгѣ своей исторіи ¹⁾, составленной еще до латинскаго завоеванія Константинополя въ 1204 году, онъ рисуетъ прекрасную, можно сказать, образцовую во всей византійской исторіографіи картину внутренней и частію культурной исторіи того времени. Здѣсь, между прочимъ, онъ даетъ разгадку увлеченія Мануила западной политикой, въ чемъ историкъ стоялъ не на сторонѣ общественнаго мнѣнія. «И совсѣмъ несправедливы были дѣлаемые царю упреки въ увлеченіи западными дѣлами, ибо его предпріятія не составляли чего-либо страннаго или неосновательнаго. Онъ боялся, чтобы латинскіе народы, обладающіе неодолимою силой, не составили союза и не наводнили нашу имперію подобно потоку, который, изъ малаго сдѣлавшись большимъ, уничтожаетъ нивы земледѣльцевъ. По его мнѣнію, византійскія войска въ сравненіи съ латинскими были то же, что горшки по сравненію съ котлами. Восточные народы, говаривалъ онъ, можно и подкупить, и усмирить оружіемъ; западные же враги пугали его своей многочисленностью. Надменные и гордые, они постоянно занимаются войной, идутъ въ сраженіе закованные въ желѣзо, питаютъ къ грекамъ непримиримую ненависть, вражду и досаду». Въ виду опасности съ запада, которую лучшіе люди XII вѣка оцѣнивали вполне трезво, нашъ писатель до извѣстной степени оправдываетъ мѣры императора и стоитъ на его сторонѣ въ разсужденіи громаднхъ издержекъ, вызываемыхъ итальянскими войнами и подкупомъ союзниковъ на западѣ. Справедливость основной точки зрѣнія царя, говоритъ Никита, доказали послѣдующія событія, когда онъ оставилъ здѣшнюю жизнь, и ладья царства, лишившись мудраго кормчаго, едва не утонула ²⁾.

¹⁾ Nicetas Acominatus, ed. Bonn. p. 265.

²⁾ Nicetas, p. 266.

Если подразумевать подъ сказанными сейчасъ словами трагическія для имперіи послѣдствія IV крестоваго похода, то выраженіе «ладья царства едва не утонула» мы бы находили весьма слабымъ. Намъ представляется, что правильная эволюція византизма была покончена съ послѣднимъ Комниномъ, и что все то, что исторія Византіи привноситъ во всемірное историческое развитіе, должно считаться законченнымъ XII вѣкомъ. Послѣ этого мы присутствуемъ при тщетныхъ попыткахъ найти утраченныя традиціи и возстановить оборванный событіями латинскаго завоеванія государственно-культурный порядокъ, но по нашему крайнему убѣжденію творчество отлетѣло отъ греческаго народа, и въ литературѣ, равно какъ въ искусствѣ, не встрѣчаемъ ни мысли плодovitой, ни геніемъ начатаго труда. Въ виду сказаннаго, стройная и послѣдовательно проведенная въ періодъ Комниновъ система внѣшней политики должна находить себѣ соотвѣтствіе во внутреннихъ отношеніяхъ имперіи, въ церковной и гражданской администраціи, въ культурѣ и умственномъ развитіи. Страхъ передъ напоромъ со стороны западныхъ народовъ не былъ такимъ сильнымъ и живымъ, чтобы предотвратить наплывъ западнаго культурнаго вліянія, чтобы защитить имперію противъ иммиграціи военныхъ и торговыхъ людей, которые проникли въ администрацію и въ византійскіе аристократическіе круги. Послѣдовательно и незамѣтно мѣнялся весь порядокъ жизни, и противъ этихъ перемѣнъ не устоялъ старѣющій византизмъ. Вновь повторилось завоеваніе имперіи чуждыми народами, но на этотъ разъ ассимилирующая сила оказалась не на сторонѣ ублюдка Римской имперіи, а на сторонѣ тѣхъ чуждыхъ народовъ, которыхъ Византія не могла побѣдить силой и не была въ состояніи подчинить духовными средствами воздѣйствія. Мы должны взглянуть на имперію Комниновъ съ точки зрѣнія намѣченныхъ выше проблемъ.

Семья царей Комниновъ является лучшимъ выразителемъ культурнаго уровня разсматриваемой эпохи завершительнаго періода византизма. Главная культурная струя влилась въ царскую семью отъ матери Алексѣя I-го Комнина, высокообразованной и умной Анны Далассины. Въ царской семьѣ литературныя занятія были весьма обычнымъ явленіемъ. Многіе изъ Комниновъ оставили въ наукѣ и литературѣ громкое имя, и притомъ въ послѣ-

довательномъ порядкѣ, изъ поколѣнія въ поколѣвіе. Извѣстный авторъ исторіи царя Алексѣя, цесаревна Анна, дѣлаетъ такое замѣчаніе о своей матери. «Я помню, какъ моя мать, когда подадутъ обѣдъ, часто приносила въ рукахъ книгу и толковала догматическія мѣста святоотеческихъ писателей, въ особенности философа и мученика Максима. И нерѣдко приходилось мнѣ удивляться этому и спрашивать: какъ ты можешь безъ посторонней помощи возноситься къ такой высотѣ, когда я дрожу и даже краемъ уха не смѣю коснуться такихъ вопросовъ, ибо отвлеченность мысли и глубина этого мужа, говорятъ, доводитъ читателя до обморока» ¹⁾. Въ особенности въ слѣдующемъ поколѣніи, при Іоаннѣ и Мануилѣ, литературныя занятія въ царской семьѣ были весьма обычными. Достаточно сослаться на севастократора Исаака, устроителя монастыря въ Фереджикѣ близъ Дедеагача и автора предисловія къ Серальскому Октатевху ²⁾. Самъ Мануиль любилъ заниматься литературными трудами и писалъ по богословскимъ вопросамъ, какъ увидимъ далѣе. Литературныя привычки въ царской семьѣ не составляли чего-нибудь исключительнаго, напротивъ, служили выраженіемъ высокої образованности и проникнуты гуманными началами, имѣвшими примѣненіе къ практической жизни и отражавшимися въ общественности. Нельзя безъ глубокаго чувства благодарности вспомнить нѣкоторыя главы изъ монастырскихъ уставовъ и уставовъ благотворительныхъ учрежденій, принадлежащихъ ко времени Комниновъ. Таковъ, прежде всего, Уставъ монастыря Пандократора, устроеннаго царемъ Іоанномъ и его супругой Ирриной, венгерскаго происхожденія. Монастырь былъ созданъ частію изъ государственныхъ цѣлей, чтобы привести благодареніе Богу за многократныя милости въ видѣ побѣды надъ врагами, частію въ цѣляхъ фамиліальныхъ, чтобы заручиться постоянными молитвенниками передъ Богомъ, какъ за свои грѣхи, такъ и членовъ своего дома, а равно приготовить усыпальницу для себя, для царицы и своихъ дѣтей. Монастырь имѣлъ по штату 80 монаховъ, изъ коихъ 50 занимаются службой при храмѣ, а 30 назначаются для разныхъ службъ при монастырѣ. Не касаясь здѣсь

¹⁾ Anna Comnena, Alexias V. 9 (p. 264).

²⁾ Извѣстія Р. А. И. въ Константинополѣ, т. XII, стр. 28 и сл.

собственно монастырскаго Устава, можемъ остановиться вниманіемъ на той части его, которая посвящена благотворительнымъ учрежденіямъ, основаннымъ при монастырѣ ¹⁾. Такова больница на 50 кроватей, раздѣленная на 5 отдѣльныхъ палатъ: 1) хирургическая на 10 кроватей; 2) глазная и для желудочныхъ заболѣваній на 8 кроватей; 3) женская на 12 кроватей; 4—5) два отдѣленія по 10 кроватей въ каждомъ для обыкновенныхъ больныхъ. Эти подробности объ организаціи благотворительныхъ учрежденій при монастыряхъ составляютъ, можетъ быть, самое трогательное, что исторія сохранила насчетъ гуманитарныхъ понятій въ византійскомъ обществѣ. Предлагаемъ вдуматься въ порядки, установленные въ больницѣ.

Въ каждомъ отдѣленіи было по два штатныхъ врача, по три помощника (фельдшера) и по два замѣстителя послѣднихъ, по два служителя, т. е. служебный персоналъ почти равнялся по числу съ больными. Во главѣ больницы было два врача, называемые протоминитами. Кромѣ того, былъ особенный персоналъ для приходящихъ больныхъ: два врача хирурга и два по внутреннимъ болѣзнямъ. Служащіе дѣлились на двѣ смѣны и чередовались черезъ каждый мѣсяць. Старшій врачъ (протоминитъ) обязанъ былъ утромъ каждый день посѣщать больницу и лично освѣдомляться о состояніи каждаго больного.—Не будемъ входить въ подробности о хозяйственной организаціи больницы, объ аптекѣ и выдачѣ лѣкарствъ, все это установлено уставомъ до самыхъ мелкихъ деталей. Но стоить привести нѣсколько данныхъ о штатномъ жалованьѣ служащихъ. Содержаніе шло денежной монетой и натурой. Начальнику больницы полагался окладъ въ 7½ номисмъ или около 35 р.; кромѣ того, къ этому окладу присоединялось столовыхъ 2 номисмы и натурой 45 модіевъ хлѣба. Старшимъ врачамъ нѣсколько меньше—7 номисмъ жалованья, полномисмы столовыхъ и 38 модіевъ хлѣба. Младшіе врачи получали жалованье въ постепенной градаціи отъ 4 до 6 номисмъ. Женщина-врачъ 3 номисмы и 26 модіевъ хлѣба. Въ большіе праздники всѣмъ служащимъ полагались особенныя денежныя

¹⁾ П. В. Безобразовъ, Матеріалы для исторіи Визант. имперіи (Журналъ Мин. Нар. Просв., ноябрь, 1889). Уставъ монастыря Пандократора изданъ у А. А. Дмитріевскаго, Описаніе литургическихъ рукописей, т. I, стр. LXXX и стр. 682

выдачи. Очень любопытно и то, что правительство простирало свою заботу на семьи и дѣтей служащихъ въ больницѣ, для послѣднихъ устроена школа, въ которой дѣти подготовлялись къ врачебному искусству подъ руководствомъ мѣстныхъ врачей.

При томъ же монастырѣ была учреждена богадѣльня, въ которой содержалось 24 безпріютныхъ и немощныхъ. Въ Уставѣ точно указано, сколько выдается на содержаніе ихъ хлѣба, вина, бобовъ и сыра. На одежду полагалось каждому по 2 номисмы. Нечего и говорить, что эти благотворительныя учрежденія, устройство коихъ вызвано благочестивыми настроеніями ктиторовъ, снабжены были каждое особой церковью и штатомъ служащихъ. Матеріальное положеніе какъ монастыря, такъ и упомянутыхъ учреждений было обеспечено богатыми вкладами и жалованными актами на земельныя имущества. Уставъ монастыря подписанъ царемъ Іоанномъ Комниномъ въ 1136 году. Монастырь Пандократора послѣ турецкаго завоеванія обращенъ въ мечеть Зейрекъ-килиси-джамиси.

Вторымъ въ собственномъ смыслѣ фамильнымъ учрежденіемъ дома Комниновъ былъ монастырь Богородицы Благостной (Κεχαριστομένη), построенный и надѣленный богатымъ вкладомъ царицей Ириной Дукевой, супругой Алексѣя Комнина, о богословскомъ образованіи которой съ такимъ чувствомъ умиленія говорить Анна Комнина. Главный мотивъ постройки монастыря былъ политическій ¹⁾. Царица Ирина желала прежде всего засвидѣтельствовать благочестивую признательность Богородицѣ за покровительство и милость къ имперіи и въ частности къ царю Алексѣю.

Нѣкоторыми статьями Устава опредѣляется фамильный характеръ учрежденія, оберегающій интересы вдовъ и незамужнихъ принцессъ дома Комниновъ. Монастырь долженъ былъ имѣть штатъ въ 24 монахини, съ теченіемъ времени число могло возрасти, но не превышать 40. Первой игуменьей монастыря назначена принцесса Евдокія, «возлюбленная и порфирородная дочь и монахиня». Въ дальнѣйшемъ также предусматривалось вступленіе въ монастырь принцессъ дочерей — цесаревны Анны и Маріи, и въ такомъ случаѣ въ пользу ихъ допускаются отсут-

¹⁾ Miklosich, Acta et Diplomata Graeca. vol. V. p. 327.

иленія отъ суровыхъ правилъ общежитія. Монастырь поставленъ въ исключительныя условія, онъ освобожденъ отъ всякой зависимости церковной власти и непосредственно подчиняется царицѣ, по смерти ея—царю. Вообще же высшій патронатъ остается за особами царскаго дома.

Нигдѣ не выраженъ съ такою отчетливостью индивидуальный характеръ Комниновъ, какъ въ ихъ церковной политикѣ. Мы не имѣемъ въ виду, однако, говорить здѣсь объ общихъ и широкихъ церковныхъ вопросахъ, стоявшихъ въ связи съ схизмой, а лишь о тѣхъ, которые касались специально константинопольскаго патріархата. Указать въ краткихъ чертахъ, какими сомнѣніями волновалась въ XII в. церковь константинопольскаго патріархата, значило бы намѣтить самый жизненный вопросъ времени и опредѣлить дѣйствительное настроеніе византійскаго общества въ изучаемый періодъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ намъ удалось обратить вниманіе на памятникъ чисто церковнаго характера и воспользоваться имъ для историческихъ выводовъ объ умственномъ и религіозномъ движеніи въ Византіи. Это всѣмъ извѣстный Синодикъ въ недѣлю православія ¹⁾, относящійся по своему происхожденію къ 843 году и подвергавшійся постепенному нарастанію во весь періодъ существованія имперіи. Въ этомъ памятникѣ намѣчаются три главныхъ наслоенія, постепенно пришедшія въ него и покрывшія основной иконоборческой матеріаль: а) эпоха Алексѣя Комнина; б) Мануила; в) движеніе XIV в., выразившееся въ еретическомъ ученіи Варлаама и Акиндина. Всякій разъ, какъ въ патріархатѣ нараждались новыя вѣянія, требовавшія примѣненія строгихъ церковныхъ мѣръ противъ иномыслий или еретическихъ мнѣній, свѣтское и церковное правительство прибѣгало къ обычной мѣрѣ—составленію церковныхъ соборовъ, постановленія коихъ постепенно увеличивали составъ читаемаго въ недѣлю православія Синодика. Такимъ образомъ, синодикъ ближайшей ко времени турецкаго завоеванія эпохи или синодикъ полного состава представляетъ въ себѣ полную исторію болѣзни патріархата, въ то же время давая живыми кра-

¹⁾ Изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ помѣщалось въ Журн. Минист. Нар. Просв. за 1890 и 1891 г.г. Отдѣльно появилось подъ заглавіемъ: Очерки по исторіи визант. образованности. Ө. Успенскаго. Спб. 1891.

сками написанную картину борьбы изъ-за богословскихъ, философскихъ и близкихъ къ нимъ культурныхъ вопросовъ.

Весьма значительная часть отреченныхъ именъ и ученій падаетъ на время Алексѣя Комнина; точно также и эпоха Мануила дала важный матеріалъ для Синодика. Анна Комнина не находитъ достаточно выразительныхъ словъ, чтобы восхвалить апостолическую дѣятельность своего отца. «Онъ одинъ умѣлъ употреблять попеременно оружіе и слово: оружіемъ побѣждалъ враговъ, словомъ обличалъ еретиковъ. Вооружившись на манихеевъ, онъ предпринялъ апостольскій подвигъ вмѣсто военной экспедиціи. Я бы назвала его тринадцатымъ апостоломъ, хотя нѣкоторые приписываютъ эту честь Константину Великому. По моему мнѣнію, его бы слѣдовало помѣстить вмѣстѣ съ Константиномъ, или уже, по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за нимъ».

Дѣйствительно, Алексѣй нѣрѣдко и самъ ¹⁾ вступалъ въ пренія о вѣрѣ и пользовался всѣми средствами къ очищенію церковнаго ученія. Онъ не только преслѣдовалъ манихеевъ, павликіанъ, богомиловъ, но въ заботахъ о научномъ опроверженіи еретиковъ поощрялъ Евѣимія Зигавина къ составленію исторіи ересей и опроверженію противныхъ православію ученій. Не останавливаясь на подробностяхъ, укажемъ, что самая интересная часть въ Синодикѣ, послѣ отдѣла, касающагося иконоборцевъ, касается ученія Іоанна Итала и вводитъ насъ въ исторію европейскаго философскаго мышленія въ концѣ XI в. Какъ І. Италъ свидѣтельствуетъ о схоластическомъ западномъ вліяніи, такъ же отчетливо замѣтно восточное вліяніе въ космологической системѣ дуализма, принесенной богомилами. Павликіане и богомилы имѣли глубокое значеніе не только въ исторіи Византіи, но и на громадной территоріи, находившейся подъ византійскимъ культурнымъ вліяніемъ: въ Болгаріи и Сербіи. Такъ какъ это было ученіе антицерковное, ибо богомилы отрицали таинства и видимую церковь со всѣми ея обрядами, то понятно, что апостолическая ревность царя Алексѣя не могла допустить распространенія богомильской ереси. Въ исторіи Анны Комниной есть неподражаемая страничка ²⁾, рисующая личныя сношенія монаха Василія съ

¹⁾ Alexias, XIV, 8 p. 300.

²⁾ Alexias. XIV, 8 p. 352—353.

царемъ. «Когда молва о богомилахъ всюду распространилась, и уже многія души захватила эта ересь, не вынесла того царская душа и начала дѣлать разслѣдованіе объ ереси. Допрошенные при дворѣ богомилы, всѣ сослались на нѣкоего Василія, какъ на учителя и главнаго вождя ученія. Стали его разыскивать, и тогда обнаружили этого сатанинскаго архисатрапа, который носилъ монашеское платье, имѣлъ изможденное лицо, лишентъ растительности на щекахъ, высокъ ростомъ и обладалъ большимъ искусствомъ привлекать къ своему нечестивому мнѣнію. Императоръ, желая обнаружить тайну мягкими мѣрами, приглашаетъ къ себѣ этого человѣка подъ благочестивымъ предлогомъ. Ибо приподнялся съ мѣста при его появленіи, просилъ его присѣсть и посадилъ за одинъ съ собою столъ и далъ ему полную волю тащить съ удочки всю наживку, и, насадивъ на крючокъ разныя приманки, предоставилъ ими лакомиться этому прожорливому чудовищу. Всяческимъ притворствомъ отвлекая вниманіе этого монаха отъ подносимаго ему отравленнаго питья, царь выражаетъ желаніе сдѣлаться его ученикомъ и притомъ вмѣстѣ со своимъ братомъ севастократоромъ Исаакомъ; что всѣ его слова принимаетъ за божественныя изреченія и во всемъ ему будетъ повиноваться, лишь бы Василій устроилъ спасеніе души его. «И вотъ я, честнѣйшій отецъ, говорилъ царь (такъ онъ пріятными словами подслащалъ чашу, чтобы тотъ бѣсноватый излилъ свой ядъ), изумляюсь твоей доблести и прошу тебя научить меня, въ чемъ состоятъ правила твоего ученія, такъ какъ наши негодны и не приводятъ къ добродѣтели». Лъстивыя слова произвели свое дѣйствіе.—При всемъ этомъ присутствовалъ и помогаль царю братъ его и севастократоръ. Василій изложилъ основныя положенія своей ереси. Занавѣска отдѣляла женскій покой отъ того помѣщенія, гдѣ находились царь съ братомъ и этотъ негодяй; между тѣмъ, какъ онъ излагалъ свои мысли, находившійся за занавѣсью писецъ отмѣчалъ сказанное имъ. Такимъ образомъ этотъ болтунъ казался учителемъ, а царь прикидывался ученикомъ, а предметъ бесѣды записывалъ секретарь. Все явное и тайное изложилъ этотъ еретикъ и ничего не утаилъ изъ богоненавистой ереси: и посмѣяніе нашего богословія, и уничтоженіе всего домостроительства, и уподобленіе домовъ Божіихъ жилищамъ демоновъ и признаніе тщетнымъ совершаемаго у насъ

приношенія тѣла и крови перваго архіерея и первой жертвы.— А что было потомъ? Царь прекращаетъ представленіе и поднимаетъ занавѣсъ. А тамъ уже былъ собранъ сенатъ и военные чины и соборъ церковный».

Все изложенное составляетъ точный фактъ, переданный не изъ вторыхъ рукъ. И этотъ фактъ рассказанъ съ тѣмъ, чтобы подъ перомъ любящей дочери рельефнѣй очерчена была фигура героя-отца, апостолическая ревность котораго запутала въ хитро разставленныя сѣти простодушнаго богомила и выдала его головой свѣтскимъ и духовнымъ чинамъ, присудившимъ вожда богомиловъ къ публичному сожженію. Мы, конечно, не можемъ раздѣлять чувства византійской писательницы и не стоимъ на сторонѣ царя, который принялъ на себя совсѣмъ не подходящую роль. Религіозная миссія царей Комниновъ, понятая слишкомъ грубо, приводила ихъ къ нарушенію элементарной правды и ставила въ рѣзкое противорѣчіе съ церковными правилами. Современный Мануилу Комнину писатель Никита Акминатъ весьма хорошо оцѣнилъ это увлеченіе и заклеилъ его рѣзкимъ порицаніемъ. Царь Мануилъ, говоритъ онъ, считая себя выше всѣхъ людей по мудрости и непогрѣшимымъ судьей божескихъ и челоувѣческихъ дѣлъ, самъ усвоилъ себѣ и установленіе догматовъ и карательныя мѣры относительно тѣхъ, кто съ нимъ не соглашался. Но и въ этомъ еще не главное, онъ шелъ весьма далеко, касался непостижимыхъ догматовъ, упорствовалъ въ своеобразномъ ихъ пониманіи и перетолковывалъ смыслъ писаній примѣнительно къ своимъ цѣлямъ, внося свои толкованія туда, гдѣ правильное разумѣніе уже опредѣлено отцами, «какъ будто онъ всецѣло обнялъ своимъ умомъ самого Христа и отъ него Самого яснѣе и совершеннѣй наставленъ во всемъ, что касается Христа». Эту рѣзкую критику внутренней церковной политики Комниновъ мы должны особенно здѣсь отмѣтить, чтобы показать какой глубокой разладъ существовалъ даже во взглядахъ и на самую церковность, въ которой Византія якобы имѣла одинъ изъ твердыхъ своихъ устоевъ.

Вслѣдствіе оживленной церковной борьбы изъ-за важныхъ догматическихъ вопросовъ въ XII в.,—и въ особенности въ царствованіе Мануила, Синодикъ получилъ весьма значительное приращеніе. За попытку внести новыя толкованія по догмату

о второмъ лицѣ св. Троицы подверглись суду и отлученію отъ церкви: 1) діаконъ Великой церкви и магистръ Михаилъ; 2) діаконъ Никифоръ Васиlaki; 3) митрополитъ Драча Евстаѳій; 4) избранный на антіохійскую патріаршую кафедру Сотирихъ Пантевгенъ; 5) митрополитъ керкирскій Константинъ и 6) Іоаннъ Ириникъ. Все это были лица съ высокимъ богословскимъ и философскимъ образованіемъ, занимавшія притомъ высшія церковныя кафедры, или близкія къ епископскимъ мѣста въ патріархіи. Нужно, кромѣ того, принять въ соображеніе, что трактуемые указанными лицами богословскіе вопросы были исполнѣ общедоступными темами, волновавшими общественное мнѣніе почти въ такой же степени, какъ прежде иконоборческой вопросъ. Именно, особенностью этой эпохи слѣдуетъ признать то, что церковно-богословскіе споры не выражали отвлеченныхъ мнѣній небольшой кучки богослововъ, но служили знаменіемъ времени и коренились, какъ логическія послѣдствія, въ умственныхъ движеніяхъ предыдущаго времени. Изученіе философскаго и богословскаго движенія въ XII вѣкѣ¹⁾ приводитъ къ заключенію, что сдѣланные названными выше богословами несогласные съ церковнымъ ученіемъ выводы въ приложеніи къ природѣ лица І. Христа или къ таинству евхаристіи имѣютъ себѣ объясненіе въ ихъ философскихъ воззрѣніяхъ. Самы современники хорошо понимали неумѣстность обычая допускать до публичнаго обсужденія божественныя вещи, о которыхъ приличнѣе было бы молчать: того-де требуетъ и необъяснимая природа ихъ, то же внушаютъ и совѣты св. отцовъ²⁾; но отдѣльные голоса были безсильны противъ господствовавшаго обычая.

Весьма важно установить здѣсь два обстоятельства общесоциальнаго значенія, которыя до нѣкоторой степени намѣчаются изъ разсмотрѣнія богословскихъ споровъ и соборныхъ дѣяній времени Мануила. Прежде всего, не можетъ быть сомнѣнія, что волновавшіе церковь и общество вопросы при Мануилѣ и при его преемникахъ, находятся въ тѣсной связи съ философскими воззрѣніями І. Итала и частію могутъ быть сближены съ

¹⁾ Главнѣйше ссылаемся на сочиненіе Ө. Успенскаго «Очерки по исторіи византійской образованности», гл. III.

²⁾ Діалогъ Сотириха, *Migne, Patr. Gr. t. 140, col. 140.*

ученіемъ богомиловъ ¹⁾). Въ одномъ обличительномъ сочиненіи противъ Сотириха, появившемся вскорѣ послѣ 1156 г., волновавшій церковь споръ сводится на борьбу аристотелевской и платоновской философіи. Заблужденіе Сотириха объясняется тѣмъ, что онъ усвоилъ себѣ платоновскій взглядъ на идеи. Изъ этого естественно заключить, что въ занимающихъ насъ спорахъ церковныхъ партій нужно видѣть борьбу между представителями номинализма и реализма на византійской почвѣ. Сотирихъ и его приверженцы стояли на почвѣ философіи Платона, а противники ихъ, на сторонѣ коихъ была и церковь, держались взглядовъ Аристотеля ²⁾).

Весьма любопытно, кромѣ того, что господствовавшая въ имперіи національно-церковная партія признавала отринутыя, въ данномъ случаѣ платоновскія, воззрѣнія — чуждыми византизму, и именно заимствованными съ запада. Такъ, наименѣе популярный въ имперіи философъ XI в., ученіе котораго, тѣмъ не менѣе, оставило въ Синодикѣ большой слѣдъ, былъ Іоаннъ Италъ, каковымъ прозваніемъ современники желали отмѣтить именно чужеземца. Точно также на соборѣ 1166 г., занимавшемся разслѣдованіемъ ученія о славѣ Христа по поводу сомнѣній въ толкованіи текста «Отець Мой болій Мене», выяснилась иноземная струя, отравившая чистый источникъ туземнаго благочестія. Виновникъ неправославнаго ученія Димитрій, изъ азіатскаго селенія Лампи, оказывается впавшимъ въ ересь потому, что неоднократно исполнялъ посольскія порученія на западъ и къ итальянскимъ народамъ и возвращался оттуда съ поврежденными чувствами. Прибывъ изъ нѣмецкой земли, онъ началъ гласно совращать народъ къ ереси и потомъ изложилъ свой взглядъ письменно и представилъ царю. Царь, ознакомившись съ книгой, сказалъ: «закопай поскорѣй эту книгу въ землю, дабы не сдѣлаться виновникомъ гибели многихъ. Что касается меня, я твердо убѣжденъ въ своемъ взглядѣ и не думаю, чтобы меня кто могъ переубѣдить». Но Димитрій не послушалъ добраго совѣта и сталъ показывать многимъ свое сочиненіе, такъ что

¹⁾ Въ особенности Діалогъ Сотириха и *Alexias* p. 354. 10—11.

²⁾ Это отчетливо показано въ опроверженіи на Сотириха, составленномъ Николаемъ Мевонскимъ (*Δημητρακόπουλος*, *Bibl. ecclesiastica* I, p. 293, 321; его же *Λόγοι* p. 13; Успенскій, *Очерки*, стр. 222.

всѣ стали спорить и заниматься вопросомъ о славѣ Христа. Чтобы дать понять, какъ царь Мануиль принималъ близко къ сердцу богословскіе вопросы, приведемъ нѣсколько строкъ изъ Киннама ¹⁾. «Видя, что почти всѣ склоняются къ мнѣнію Димитрія, онъ началъ приглашать къ себѣ то одного, то по-двое— и многихъ склонилъ къ своему мнѣнію». Но какъ достигалось это, видно изъ того, что всѣ стали избѣгать этихъ секретныхъ переговоровъ и говорили между собой: если не теперь, то по смерти ему не избѣжать анаемы. Но царя это не остановило. Я предлагаю вамъ всѣмъ поединокъ, говорилъ онъ сомнительнымъ архіереямъ, вооружайтесь всѣ, и я буду сражаться съ вами одинъ не физической силой, а словомъ. Кто, продолжалъ издѣваться царь, отнималъ у васъ свободу слова? Развѣ вамъ оказано было насиліе; развѣ случалось, чтобы кому запрещено было говорить предъ моимъ престоломъ?»

Намѣченныя выше указанія на слѣды схоластической философіи въ Византіи и на борьбу номинализма и реализма въ примѣненіи къ догматикѣ слѣдуетъ признать самымъ существеннымъ въ предшествующемъ изложеніи. Къ сожалѣнію, весьма мало затронутъ въ наукѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ Византія принимала участіе въ развитіи средневѣковой схоластики и въ какой степени возможно вести рѣчь о взаимныхъ вліяніяхъ востока на западъ и обратно. Нельзя не приписывать важнаго значенія тому, что въ византійскихъ литературныхъ памятникахъ новыя философскія вѣянія объясняются заимствованіями съ запада.

Несмотря на рѣзкую противоположность въ характерѣ западныхъ и восточныхъ народовъ, которая хорошо была сознаваема въ Византіи, роковая необходимость привлекала западъ къ востоку. «Посмотрите, говоритъ историкъ, на этотъ жестоковыйный народъ: какой у него дерзкій и надменный видъ, выбритый подбородокъ, жадная къ убійству рука, раздувающіяся ноздри, раскрытые широко глаза, ненасытныя челюсти, быстрая и отрывистая рѣчь». Выраженный здѣсь взглядъ на «латинянина» или «франка» находитъ себѣ выраженіе и въ искусствѣ. Такъ, въ иллюстрированной библии Константинопольской серальской

¹⁾ C i n n a m i, Histor. VI. 2 (p. 252).

библіотеки художникъ придалъ указанныя черты западнымъ народамъ въ той мініатюрѣ, которая изображаетъ типы людей послѣ потопа.

Комнины открыли широкой доступъ въ имперію и въ высшее служилое сословіе западнымъ пришельцамъ и въ то же время воспринимали латинскія учрежденія, перенимали чуждые обычаи и охотно женились на иностранкахъ: нѣмкахъ, французенкахъ и венгеркахъ, которыя привозили съ собою родственниковъ, часто остававшихся на службѣ въ Константинополѣ и входившихъ въ составъ придворной и служилой аристократіи. Образование въ Сиріи и Палестинѣ латинскихъ владѣній вслѣдствіе большихъ крестonosныхъ движеній XII вѣка неизбѣжно ставило византійцевъ въ непосредственныя отношенія къ французамъ, итальянцамъ и нѣмцамъ и способствовало проникновенію въ Константинополъ и большіе города имперіи западныхъ модъ, обычаевъ и взглядовъ и неудержимо воздѣйствовало на измѣненіе строя государства и настроеній высшаго общества, подготавливая шатавіе консервативныхъ устоевъ Византіи. Стòитъ напомнить хотя бы блестящаго представителя семьи Комниновъ Андроника, занимавшаго престолъ по смерти Мануила, его похождения при дворахъ христіанскихъ владѣтелей Сиріи и Палестины, его близкія знакомства съ мусульманскими эмирами, гдѣ онъ былъ почти всегда желаннымъ гостемъ. Андроникъ столько же отличался приверженностью къ западнымъ обычаямъ, любилъ турниры и рыцарскія состязанія, какъ и Мануиль, хотя между ними была громадная разность по политическимъ воззрѣніямъ. Еще больше новая струя западныхъ идей вливалась въ консервативную Византію при посредствѣ итальянцевъ, главнѣйше венеціанцевъ, которые, вслѣдствіе торговыхъ привилегій, уступленныхъ имъ царями, занимали въ Константинополѣ исключительное положеніе, жили въ особомъ кварталѣ и пользовались большимъ вліяніемъ среди высшихъ круговъ населенія. Со времени Алексѣя Комнина венеціанцы сдѣлались охраной имперіи и служили ей своимъ флотомъ.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ воздѣйствій западной культуры на византійское государство было перенесеніе въ восточную имперію феодальнаго строя. Новѣйшій историкъ средневѣковой

Греціи аѣинскій профессоръ Ламбросъ ¹⁾ приписываетъ этому расчлененіе имперіи, послѣдовавшее въ концѣ XII и началѣ XIII в.в.

Населеніе столицы, а частію и всей имперіи, представляло смѣсь народовъ разнаго происхожденія. Въ политикѣ императоровъ XII в. господствуетъ обычай раздавать пустопорожнія земли и цѣлыя области иностранцамъ, переводить и водворять военноплѣнныхъ главнѣйше на окраинахъ, на востокъ и западъ. Эта помѣсь въ особенности была замѣтна въ столицѣ. Множество торговыхъ людей всякаго рода являлось въ Царьградъ для купли и продажи; имперія подвергалась многообразному и систематическому воздѣйствію со стороны сосѣдей, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ. Никита Акоминатъ весьма рельефно выставляетъ чрезмѣрное вліяніе иностранцевъ въ имперіи. «А какъ царь легко отдавался въ руки постельничимъ и евнухамъ, а равно слугамъ изъ иноземныхъ народовъ, полуварваровъ, у которыхъ слюна брызжетъ изо рта прежде, чѣмъ послышится слово, то и этихъ людей онъ дѣлалъ богачами, такъ что они владѣли такими сокровищами, какъ вельможи. Совершенно полагаясь на нихъ, какъ на своихъ вѣрнѣйшихъ и преданныхъ слугъ, онъ не только поручалъ имъ важнѣйшія должности, но и ввѣрялъ судебныя дѣла, въ которыхъ не всегда могутъ разобраться и опытные законовѣды. Если нужно было въ провинціи произвести перепись, такого рода люди предпочитались своимъ. Когда же ему давали въ помощь благороднаго грека, то лишь съ той цѣлью, чтобы онъ дѣлалъ перепись и обозначалъ предметы, подлежащія обложенію, а варваръ былъ главнымъ распорядителемъ сбора и прикладывалъ печать къ мѣшкамъ, которые слѣдовало доставить царю. Подозрѣвая и удаляя отъ себя ромеевъ, какъ воровъ, онъ осчастливливалъ корыстолюбивыхъ варваровъ и благодѣтельствовавалъ жалкимъ и презрѣннымъ людямъ, а въ туземцахъ вмѣсто честности и вѣрности возбуждалъ противоположныя чувства. Ромѣи понимали, что царь имъ не довѣрялъ, и дѣлали только то, что имъ приказано». Въ другой главѣ у того же писателя находимъ нѣсколько пикантныхъ мѣстъ о внутренней правительственной системѣ. «Принято за правило давать жалованье на содер-

¹⁾ Λ α μ β ρ ο ς, 'Ιστορία τῆς Ἑλλάδος VI. 143.

жаніе военнымъ людямъ и дѣлать имъ частые смотры, чтобы видѣть, хорошо ли они вооружены и заботятся ли они надлежащимъ образомъ о лошадяхъ... Но этотъ царь всѣ деньги, какія должны были идти на содержаніе воиновъ, собиралъ въ свою казну, голодъ же войска врачевалъ такъ называемыми пожалованіями париковъ ¹⁾, на самомъ же дѣлѣ злоупотребляя мѣрой, избобрѣтенной прежними царями и примѣняемой въ исключительныхъ случаяхъ за особенныя военныя заслуги. При такомъ порядкѣ вещей лучшіе воины утратили соревнованіе въ опасностяхъ, ибо то, что побуждало ихъ выказывать воинскую доблесть, не было уже, какъ прежде, чѣмъ-то особеннымъ, а сдѣлалось доступнымъ всѣмъ. И сельскіе жители, имѣвшіе прежде въ казенномъ вѣдомствѣ своего господина, стали испытывать величайшія страданія отъ ненасытной жадности солдатъ. Тогда всякій получалъ право набирать военный отрядъ и записывать въ военную службу. Тогда портные, бросивъ свое ремесло, конюхи, кирпичники и кузнецы приходили къ вербовщикамъ и за персидскаго коня или нѣсколько золотыхъ монетъ безъ испытанія зачислялись въ стратіотскіе списки и немедленно снабжались царскими грамотами, которыми за ними записывались участки хорошей земли и плодоносныя нивы вмѣстѣ съ ромѣйскимъ населеніемъ, обязаннымъ имъ службой. Бывало, почтенной наружности грекъ, хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ, вносилъ подать негодному полуварвару, между тѣмъ какъ имѣлъ передъ нимъ такія преимущества, что казался Ахилломъ по сравненію съ нимъ. Соотвѣтственно такому безпорядочному положенію въ военной системѣ испытывали крайнія бѣдствія наши провинціи: однѣ изъ нихъ на нашихъ глазахъ подвергались грабительскимъ набѣгамъ чужеземцевъ и поступали въ ихъ владѣніе, другія же, словно вражеская земля, терпѣли всяческія бѣдствія отъ нашихъ собственныхъ начальниковъ» ²⁾.

Въ приведенныхъ мѣстахъ лучшаго историка описываемой эпохи обращаютъ на себя вниманіе намеки на внутреннюю административную систему и на военный строй при Мануилѣ. Можно пожалѣть, что писатель ограничился только намеками въ такой

¹⁾ Nicetas, p. 272, ἵστο το δίψος τῶν στρατιωτῶν ταῖς λεγομένας παροίκων δωρεαῖς.

²⁾ Nicetas, VII c. 4 (p. 273—4).

важной области, которая, дѣйствительно, обусловливала и подготавливала наступившую послѣ Мануила реакцію и въ которой надо полагать разгадку разгрома и распадѣнія имперіи при императорахъ изъ дома Ангеловъ. Для читателя, имѣющаго достаточныя средства оцѣнить внѣшнія дѣла Мануила, подкупающія показнымъ блескомъ, и его сношенія съ разными европейскими и азіатскими дворами, сопровождавшіяся брачными союзами и пышными приемами въ Константинополь многихъ коронованныхъ особъ и принцевъ, можетъ показаться нѣсколько неожиданнымъ прямой переходъ къ развалу имперіи, къ распаденію ея на мелкіе куски. Никита Акоминатъ, котораго не ослѣпилъ блескъ царствованія Мануила, даетъ намъ ключъ если не къ полному объясненію проблемы, то по крайней мѣрѣ къ постановкѣ нѣкоторыхъ частей ея. Нельзя, конечно, не остановить вниманія на слишкомъ сильнономъ проникновеніи иностранцевъ, захватившихъ много мѣстъ въ военной и гражданской администраціи. Но историкъ не останавливается ни на одномъ конкретномъ фактѣ и не позволяетъ провѣрить сдѣланныхъ имъ обобщеній, между тѣмъ никто не могъ бы такъ точно изобразить положеніе дѣла, какъ Никита Акоминатъ. Ясное дѣло, что ослабѣла творческая сила въ самой господствующей въ имперіи націи; и прежде греки не отличались большой силой ассимиляціи подчиненныхъ или сосѣднихъ племенъ, а теперь, когда само правительство слишкомъ много чуждыхъ элементовъ восприняло въ свою среду, національныя эллинскія тенденціи по необходимости уступали мѣсто попеременно получавшимъ преобладаніе чуждымъ направленіямъ: итальянскому, армянскому, турецкому и, наконецъ, іерусалимско-антиохійскому.

Вопросъ объ иноземныхъ вліяніяхъ—далеко не праздный, и съ нимъ нужно считаться тому правительству, которое хочетъ жить не интересами только нынѣшняго дня. Въ концѣ XII в. греки значительно утратили въ своей способности вліять на сосѣдей и ассимилировать ихъ. Весьма вѣроятно, что потери на окраинахъ какъ въ Азіи, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ, по необходимости должны были вызвать духъ индифферентизма въ мѣстныхъ интеллигентныхъ кругахъ, каковой подготавливалъ легкую готовность подчиниться чуждой власти.

Возвращаясь къ приведенному мѣсту Никиты Акомината мы находимъ у него указанія на дѣйствительныя мѣропріятія

правительства, касающіяся военной системы. Если мы правильно понимаемъ намекъ, то онъ приводитъ къ обнаруженію въ византійскомъ государствѣ началъ феодализма въ первичной стадіи его развитія. Такъ какъ рыцарскія склонности къ войнѣ, любовь къ турнирамъ и къ обществу латинскихъ рыцарей слишкомъ ясно отмѣчаются на всемъ протяженіи царствованія Мануила, то мысль о феодализмѣ всего ближе подходила бы къ указанной обстановкѣ. Самый важный для насъ намекъ Никиты заключается въ выраженіи: *голодь войска врачевалъ пожалованіями париковъ*. Смыслъ этого выраженія тотъ, что военная система при Мануилѣ основывалась на началѣ пожалованій земельными участками, населенными париками, т. е. крестьянами, сидящими на чужой землѣ. Но что обращаетъ на себя вниманіе, это то, что отмѣчаемый писателемъ порядокъ начинается гораздо раньше Мануила. Такъ называемая пронія или пожалованіе служилымъ людямъ населенныхъ земель и другихъ доходныхъ статей впервые становится извѣстной въ XI вѣкѣ. При Мануилѣ построеніе земельныхъ отношеній на системѣ пронія и зависимости земледѣльческаго класса можетъ считаться уже вполне законченнымъ и проведеннымъ во всѣхъ областяхъ. Любопытно, что когда латинскіе рыцари IV крестоваго похода начали организовать свои новыя владѣнія, въ большинствѣ случаевъ они воспользовались практикой, установившейся при Комнинахъ ¹⁾.

Наканунѣ IV крестоваго похода центральное правительство несмотря на кажущуюся силу, было весьма слабо, такъ какъ въ провинціяхъ нарождались мѣстныя политическія силы, къ которымъ тянуло населеніе. Въ той части имперіи, которая послѣ латинскаго завоеванія осталась подъ властью царей, пронія является государственнмъ учрежденіемъ, которымъ закрѣпляется за правительствомъ крестьянское населеніе. Межевыя описи, дарственныя и запродажныя грамоты и судебныя акты свидѣтельствуютъ о помѣщичьей и феодальной роли въ сельскомъ быту мѣстнаго проніара ²⁾.

---

¹⁾ Tafel und Thomas, Urkunden II. p. 57. Omnes-debemus in suo statu tenere, nichil ab aliquo amplius exigentes, quam quod facere consueverant temporibus graecorum imperatorum.

²⁾ Подробности въ статьѣ О. Успенскаго «Значеніе пронія» въ Сборникѣ въ честь В. И. Ламанскаго. СПб. 1883.

Намѣченный порядокъ вещей не зависѣлъ, впрочемъ, отъ выбора Комниновъ, онъ подготавливался постепенно вслѣдствіе того историческаго процесса, который происходилъ въ это время на западѣ и отъ котораго Византійская имперія, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ южной Италіей, не могла остаться въ сторонѣ. Что касается реформъ въ военномъ дѣлѣ, онѣ вызывались крайне настоятельной необходимостью: азіатскія оемы перестали доставлять имперіи нужныхъ для военной службы людей, такъ какъ турки-сельджуки овладѣли почти всей Малою Азіей; европейскія оемы не въ состояніи были удовлетворять требованіямъ правительства Комниновъ вслѣдствіе неспокойнаго положенія въ Болгаріи и почти непрерывныхъ войнъ на границѣ съ Сербіей и Угріей.

Вотъ почему Евстаѣій Солунскій и ставить въ особенную похвалу Мануилу привлеченіе на службу имперіи иноземцевъ. «Заботливость поистинѣ царская не только сохранять подвластные народы, но и приумножать ихъ число. Похваляемый нынѣ превзошелъ всѣхъ, доселѣ царствовавшихъ». Хотя трудно было нанятыми или союзными военными отрядами удовлетворять недостатокъ военныхъ людей, и хотя Мануилъ ввелъ въ военное сословіе военноплѣнныхъ и выкупленныхъ на свободу рабовъ, но въ общемъ при немъ войско приняло характеръ не національный, а это угрожало вредными послѣдствіями, противъ которыхъ еще въ V вѣкѣ предупреждали императоровъ патристическіе писатели.

Такова эпоха иностраннаго засилья наканунѣ завоеванія имперіи крестоносцами IV похода.

Θ. Успенскій.